Глава 1012. Не зажигается?

Не зажигается…

После слов инженера в диспетчерской воцарилась тишина.

Пока инженеры Росатома, стоявшие перед пультом управления переглядывались, академик Сивали был потрясен еще сильнее.

— Не происходит зажигание? Как такое возможно? Мы все проверили совместно с китайскими инженерами, как может ничего не происходить?

Когда тишина в диспетчерской была нарушена, репортеры внезапно осознали.

Зажигание не происходит!

Это масштабный проект стоимостью в десятки миллиардов!

Если проект провалится, то это станет ударом по российской энергетике и разрушит отношения между Китаем и Россией.

Главный инженер Ван стоял рядом с министром Новаком с мрачным лицом.

Очевидно, он осознавал серьезность ситуации.

Министр Новак приказал:

— Идите и выясните, что случилось!

Инженер в каске кивнул.

— Да! Мы уже пытаемся выяснить причины!

Из-за непредвиденной ситуации церемония термоядерного зажигания была временно приостановлена.

Единственной удачей стало то, что церемония запуска термоядерного реактора не

транслировалась в прямом эфире. Все репортеры были из местных российских СМИ. Они передали свои карты памяти по просьбе российских официальных лиц.

Инженеры из Росатома судорожно забегали и начали обсуждать проблему зажигания с инженерами из East Asia Power и Китайской национальной ядерной корпорации.

— Теоретически, неисправностей быть не должно.

— Но они есть!

— Я знаю, но испытание реактора прошло успешно… Но после установки активной зоны что-то пошло не так.

После некоторого тестирования они не смогли обнаружить никаких проблем с активной зоной. Внезапно спросил китайский инженер.

— Может что-то не так с самой станцией? Например, с подключением или…

Прежде чем он смог закончить, его грубо прервал Лермонтов.

— С нашей электростанцией нет никаких проблем! — Грубо возразил тот. — Я же говорил вам, что китайцам нельзя доверять! Они поставили нам активную зону плохого качества.

Хотя это было сказано в гневе, после его слов китайские инженеры пришли в ярость.

Особенно Ван Цзенгуан, он всегда обладал вспыльчивым характером. Он хлопнул по столу и встал.

— Плохого качество? Вы хотите сказать, что мы производим не качественную продукцию? Лермонтов, я хочу знать, вы говорите от имени Росатома или это ваше личное мнение?!

— Лермонтов, пожалуйста, говорите осторожно! — Быстро вмешался министр Новак, а потом посмотрел на академика Ван Цзенгуана. — Академик Ван, прошу прощения, Лермонтов просто расстроен, на самом деле, он так не считает…

Лермонтов не опроверг заявление министра Новака, но и не извинился за свои слова.

Академик Ван все еще выглядел сердитым и, если бы не контракт, он уже ушел отсюда.

Академик Сивали, сидевший неподалеку, попытался выступить в роли миротворца и успокоить стороны, но безрезультатно.

Очевидно, что встречу необходимо было закончить.

Если бы они продолжили, то продолжили лишь обвинять друг друга.

Росатом никогда бы не признал, что это их вина, как East Asia Power никогда бы не признали, что проблема с их активной зоной.

Единственное, что всем оставалось, это надеяться, что инженеры решат проблему.

Но, независимо от того, кто виноват, сначала надо определить причину неисправности.

После окончания совещания академик Ван вышел в коридор и выкурил сигарету.

Когда он докурил, к нему подошел Лу Чжоу.

Хотя Лу Чжоу ничего не сказал на встрече, он размышлял в чем может быть проблема.

Он посмотрел на академика Вана и заговорил.

— Как прогресс?

— Все сложно.

— Проверяли зонд и систему охлаждения?

— Проверяли.

Подумав немного, Лу Чжоу продолжил:

— Может быть, это улавливатель активной зоны? Я помню, что там, кажется, есть активные меры защиты, которая может принудительно остановить реактор и прекратить реакцию.

— Мы проверили. Мы проверили все, что могли. — Ван Цзенгуан покачал головой. — Неужели думаете, что мы могли что-то пропустить.

Эм…

Конечно нет.

Лу Чжоу погрузился в глубокие раздумья.

Ситуация зашла в тупик.

С реактором все было в порядке, но зажигание просто не происходило.

Примерно через час подготовили отчет о проверке.

По предварительному заключению, все работало нормально.

За исключением активной зоны.

Для российских инженеров активная зона эквивалента черному ящику.

Только китайские инженеры разбирались в ней.

Из-за контракта Китай не был обязан предоставлять русским все технические подробности.

Лермонтов внезапно встал и сказал.

— Китай несет ответственность за обеспечение нормальной работы реактора. Это прописано в контракте, верно?

— Так и есть.

— Однако мы не осмотрели лишь активную зону.

Академик Ван ответил Лермонтову.

— Наши инженеры осмотрели её, вы уже видели отчет проверки.

Лермонтов прервал академика Вана и с подозрением произнес.

— Верно, так написано в отчете, но кто поручится, что вы не солгали?

Академик Ван посмотрел на Лермонтова и нахмурился.

— На что вы намекаете?

— Я задаю разумные вопросы. — Лермонтов пристально посмотрел на академика Вана. — Проблема, скорее всего, в ней. У нас есть основания полагать это. Чтобы точно определить причину сбоя, я прошу вас предоставить нам или стороннему российскому инспекционному агентству технологию для проверки активной зоны.

— В контракт это не входит.

Лермонтов агрессивно выпалил:

— Да, но вы не обеспечили нормальную работу реактора, вы первыми нарушили контракт!

— Не думаю, что мы нарушаем условия контракта, мы активно помогаем вам решить проблему!

Продолжать дальше было бессмысленно. Академик Ван повернулся к министру Новаку в надежде, что тот сможет успокоить Лермонтова.

Однако, было видно, что позиция Новака склонилась в сторону Лермонтова.

В конце концов, термоядерная электростанция была частью будущего России.

Поддерживать отношения с Китаем важно, но это не значит, что русские всегда будут идти на компромисс. Сейчас термоядерная электростанция не может работать, и единственный объект, что они не могут проверить это активная зона.

Поэтому методом исключения они могут считать, что проблема в активной зоне.

Лу Чжоу, который до этого ничего не говорил, внезапно спросил:

— Могу я взглянуть на данные мониторинга турбулентности плазмы?

— Данные мониторинга? — Лермонтов нахмурился и взглянул на директора службы безопасности, сидевшего рядом с ним. Затем опять посмотрел на Лу Чжоу и спросил. — Как они могут помочь?

Данные о турбулентности плазмы отображали движение плазмы в камере, получаемые атомным зондом. В них использовалась математическая модель движений плазмы внутри реакционной камеры.

В своей время модель произвела фурор среди физиков и многие ученые назвали её достижением уровня Нобелевской премии. Она послужила теоретической основой для серии термоядерных устройств с магнитным удержанием, таких как стелларатор.

Однако для большинства людей эти данные лишь набор беспорядочных цифр.

Например, как бы хорош не был программиста, маловероятно, что он сможет читать на машинном языке процессора.

И самое главное зажигание вообще не происходило, какой смысл смотреть на данные по турбулентности плазмы.

Лу Чжоу пожал плечами.

— Не узнаешь, если не попробуешь.

Лермонтов тоже пожал плечами.

— Как знаете.

Хотя Лермонтов и не думал, что Лу Чжоу сможет что-то определить по данным, он все же попросил технических специалистов из Росатома предоставить данные мониторинга плазменной турбулентности.

Данные напечатали на 200 страницах, которые принесли в конференц-зал.

Академик Ван взглянул на толстую стопку бумаги и невольно нахмурился.

Тут только на их чтение уйдет пару часов, не говоря уже об анализе.

Лермонтов сидел, скрестив руки на груди, и ждал следующего хода Лу Чжоу. Академик Сивали и министр Новак также с любопытством смотрели на Лу Чжоу, гадая, что тот будет делать.

На самом деле, Лу Чжоу не сделал чего-либо необычного.

Он пролистал страницы и нашел данные о турбулентности плазмы в течение первых пяти секунд после попытки запуска реактора.

Через пять минут он отложил стопку бумаг.

Лермонтов ухмыльнулся и спросил:

— Вы что-нибудь обнаружили, уважаемый математик?

Однако ответ Лу Чжоу был неожиданным.

Отложив данные, Лу Чжоу уверенно сказал:

— Конечно. Проблема не в активной зоне.

В конференц-зале поднялся переполох.

Очевидно, что слова Лу Чжоу, как авторитетной фигуры в области термоядерного синтеза, имели вес.

Лермонтов был немного шокирован, не веря, что Лу Чжоу смог что-то обнаружить в беспорядочных данных, особенно так быстро.

Однако вскоре он произнес с ноткой неодобрения в голосе:

— Я знал, что вы так скажете, но проблема не в электростанции.

Лу Чжоу кивнул.

— Вы правы, проблема не в ней. Думаю, я знаю, в чем проблема.

Лермонтов не единственный, кто удивился; специалисты из Росатома и академик Ван были поражены.

Министр Новак первым спросил:

— Тогда в чем проблема?

После недолгого молчания Лу Чжоу ответил:

— В электросети.

Внимание! Этот перевод, возможно, ещё не готов.

Его статус: перевод редактируется

http://tl.rulate.ru/book/26441/4104776